

Н. А. Рубинштейн
РУССКАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ

Н. Л. РУБИНШТЕЙН

РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

---

*Допущено Всесоюзным Комите-
том по делам высшей школы при
СНК СССР в качестве учебного
пособия для исторических факуль-
тетов университетов и педвузов*

ОГИЗ • ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1941

Для "Александра"

№ 2003-3277/II

Из книг И. Н. Курбатовой

90-х годов формально повторяя слова Чернышевского конца 60-х годов о русском «азиатстве», игнорирует значительное усложнение всех отношений в России. Но в то же время, ссылаясь на быстрое распространение просвещения среди рабочих, попадающих в город, на предприятие, он усматривает в этом гарантию быстрой ликвидации некультурности силой самого капиталистического развития.

Капитализм оказывается, таким образом, безотносительно общенациональным делом в изображении Туган-Барановского. «Классовое течение, враждебное протекционизму и фабрике... могло исходить только от аграрного класса»¹. Ростом национализма, в смысле политики национальных интересов, а не влиянием «чисто классовых интересов фабрикантов» объясняется и поворот торгово-промышленной политики в 80-е годы².

Таким образом, и здесь «констатирование наличности факта» заменило раскрытие действительной внутренней закономерности исторического развития, чтобы превратиться в апологию существующего капиталистического строя.

Дальнейшая эволюция Туган-Барановского повторила путь развития его ближайшего соратника Струве. Но по своему содержанию она принадлежит уже истории или политической экономии, а не историографии.

ГЛАВА 32

ПЛЕХАНОВ. МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ. «МЕНЬШЕВИСТСКИЙ ПЯТИТОМНИК»

Основные сочинения Плеханова: Социализм и политическая борьба. Наши разногласия, Госполитиздат, М. 1939. — Наши разногласия; в кн.: Плеханов, Г. В., Социализм и политическая борьба. — Русский рабочий в революционном движении, Росс. соц.-демокр. рабочая партия, тип. «Искры», 1902; в Собр. соч., т. III, стр. 121—205. — Политические задачи русских социалистов, «Социалист» № 1, Женева, июнь 1889; в Собр. соч., т. III, стр. 83—95. — Н. Г. Чернышевский, Соч., т. V (б. г.). — История русской общественной мысли, кн. 1—3, М. — Л. 1925. — Пессимизм как отражение экономической действительности (Пессимизм П. Я. Чаадаева); в Собр. соч., т. X, стр. 133—162. — Судьбы русской критики. Белинский и разумная действительность. Литературные взгляды В. Г. Белинского; в Собр. соч., т. X, стр. 199—304. — В. Г. Белинский (Речь, произнесенная весной 1898 г. по случаю пятидесятилетия со дня смерти Белинского на русских собраниях в Женеве, Цюрихе и Берне); в Собр. соч., т. X, стр. 317—349. —

¹ Туган-Барановский, Русская фабрика, стр. 441.

² Там же, стр. 443.

Западники и славянофилы, Соч., т. XXIII; особенно статьи: П. Я. Чаадаев; М. П. Погодин и борьба классов; И. В. Киреевский; Виссарион Григорьевич Белинский; О Белинском; А. И. Герцен и крепостное право; Философские взгляды А. И. Герцена. — Общественное движение в России в начале XX века, под ред. П. Мартова, П. Маслова и А. Потресова, т. I—V, Спб. 1909—1911; т. I: Предвестники и основные причины движения; т. II, ч. 1 и 2: а) Международное положение России перед революцией; в) Массовое движение; с) Главнейшие моменты в истории русского марксизма; т. III, кн. 5: Партии — их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в Думе; т. IV, ч. 1 и 2 (кн. 6 и 7): а) Изменения экономического и политического строя; б) Международные отношения; в) Национальные движения; г) Общественное движение в Финляндии; т. V, кн. 8: Эволюция идей. Заключение.

Основная литература: «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)». Краткий курс, под ред. Комиссии ЦК ВКП(б), Госполитиздат, М. 1941. — Покровский, М. Н., Борьба классов и русская историческая литература; в кн.: «Историческая наука и борьба классов», вып. 1, стр. 7—100.

**Плеханов
и русская
историческая
наука**

Если «легальный марксизм» с самого начала представлял не более как «отражение марксизма в буржуазной литературе», то в лице Плеханова мы имеем первого представителя марксизма в России, который в своих работах 80—90-х годов «...развил и обосновал точку зрения марксистского материализма». «...Плеханов написал ряд марксистских работ, на которых учились и воспитывались марксисты в России»; «Плеханов первый дал марксистскую критику ошибочных взглядов народников», — так определил значение ранних работ Плеханова «Краткий курс истории ВКП(б)»¹. Этим определилось принципиально отличное место Плеханова в истории русской общественной и научной мысли.

Однако те «ошибочные взгляды Плеханова», которые, по определению «Краткого курса истории ВКП(б)», «были зародышем его будущих меньшевистских взглядов», как раз полнее всего сказались на его исторических взглядах, оказавшихся с самого начала в противоречии с основными принципами исторического материализма. В своих исторических работах Плеханов с самого начала не сумел преодолеть зависимость от буржуазной историографии и ее методологии, и это открывало путь тем мелкобуржуазным тенденциям, которые получили полное развитие в исторических работах Плеханова-меньшевика. При этом самые попытки исторического обобщения, построения своего рода философии русской истории относятся уже к последнему, меньшевистскому периоду его деятельности. Но естественно возникает вопрос о корнях его

¹ «История ВКП (б)». Краткий курс, стр. 13—15.

последующей эволюции, об элементах, связывающих его конечные выводы с его исходными позициями.

Георгий Валентинович Плеханов (1856—1918), связанный сперва с народничеством, порвал с ним к началу 80-х годов и стал на марксистские позиции.

Два момента определили эту эволюцию Плеханова. В 1876 г. Плеханов впервые столкнулся практически с началом революционной пролетарской борьбы; в этом отношении его очерк «Русский рабочий в революционном движении» имеет автобиографическое значение. Практика революционной пролетарской борьбы привела Плеханова к теории марксизма, знакомство с учением Маркса и Энгельса дало теоретическое обоснование этим новым фактам. Плеханов в 80—90-е годы, пропагандируя теорию марксизма, обосновывал практику революционной пролетарской борьбы в России.

Ленин в своей работе «Что такое «друзья народа» указывал на заслуги Плеханова в борьбе с народничеством и в установлении капиталистического пути развития России как общей закономерности ее исторического развития. Плеханов был создателем первой русской марксистской организации — группы «Освобождения труда» — и автором первого проекта программы русских социал-демократов.

В борьбе с народничеством, с его теорией «самобытности» в русской истории, особого пути исторического развития России, Плеханов уже в работе 1884 г. — «Наши разногласия» — показал не только неизбежность капиталистического развития России, он показал, как говорит Ленин, что фактически «...Россия вступила на капиталистический путь»¹. Глава вторая — «Капитализм в России» — показывала на цифрах и фактах разложение русской общины, капиталистическую эволюцию кустарной промышленности, развитие капиталистической фабрики и товарно-денежных отношений в России во второй половине XIX в.

Торжество капиталистических отношений в России утверждало тожество исторического развития России и Западной Европы, с вытекающими отсюда выводами в отношении понимания всего русского исторического процесса. Научную теорию единства закономерности исторического процесса Плеханов нашел в трудах Маркса и Энгельса. Ее систематическое изложение он дал в работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895).

Революционная борьба пролетариата была другим историческим фактом русской действительности, значение которого впервые было раскрыто Плехановым в его работах этого периода. В очерке «Русский рабочий в революционном движении» (1890) Плеханов уже подводил некоторые исторические итоги первому периоду этой борьбы.

¹ Ленин, Соч., т. I, стр. 106.

В этой же связи подошел Плеханов в 90-е годы к общей проблеме истории революционного движения в России в его внутреннем развитии.

Утверждение нового этапа в истории революционной борьбы, связанного с выступлением рабочего класса, привело Плеханова именно в этот период и в отношении ее предшествующей истории к элементам классового анализа, отсутствие которого резко сказалось в его работах последнего периода. Эти черты полнее всего сказались в его статьях 90-х годов, посвященных декабристам, Чаадаеву, Белинскому¹.

В этих статьях, особенно в статье «14-е декабря» (1890), Плеханов намечает основные этапы в развитии русского революционного движения XIX в. Первый этап он связывает с Радищевым. «В лице Радищева мы, — пишет Плеханов, — можем быть, впервые встречаемся с убежденным и последовательным русским революционером из «интеллигенции»².

Второй этап — декабристы; но их слабость в их дворянской принадлежности: «...у них не было поддержки со стороны народа»³. С Белинским вступает в историю революционер-разночинец⁴. 70-е годы начинают пролетарский период революционной борьбы в России.

Но уже и в этот период Плеханов недооценивает революционную роль крестьянства, переоценивая либеральную буржуазию. «Эти ошибочные взгляды Плеханова были зародышем его будущих меньшевистских взглядов»⁵.

Эти ошибочные взгляды Плеханова на современность находились в связи с его историческими взглядами.

Ленинский анализ русского капитализма был тесно связан с раскрытием его генезиса, его развития, и именно в этом историческом рассмотрении анализ экономической и социальной сущности современности становился на твердую научную базу, способствуя четкой и безошибочной оценке реальной расстановки классовых сил в России конца XIX в.

Плеханов шел не от анализа исторического процесса развития России в целом, а от констатирования факта наличности капитализма в России на данном этапе. Он видел ближайшее направление исторического процесса в окончательном развитии капиталистических отношений и в вызревании революционной силы пролетариата. Но он не видел всех тех сил, которые привели настоящее общество на смену прошлому, не видел и того прошлого, которое продолжало жить рядом с настоящим, и его внутренних противоречий, а значит не видел всего настоящего в единстве его внутрен-

¹ См. Плеханов, Соч., т. X.

² Там же, стр. 357.

³ Там же, стр. 372.

⁴ См. Плеханов, В. Г. Белинский. Речь весной 1898 года, Соч., т. X.

⁵ «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 17.

них противоречий. Это значило, что в изучении конкретных общественных отношений у Плеханова выпадало основное звено марксистского учения об обществе — общественно-экономическая формация; Плеханов в своей трактовке фактически сводил общество к одному началу.

Именно поэтому он не видел, что борьба с помещиком и с пережитками крепостничества идет параллельно с борьбой внутри капиталистической системы, не видел и того, что в этой второй борьбе революционной силой являлось именно крестьянство, естественный союзник рабочего класса в предстоящей борьбе. Может быть, здесь сказались также невольная реакция на прежние народнические увлечения.

Это непонимание прошлого, игнорирование классовой революционной борьбы в России сказалось уже в одной из ранних работ Плеханова, в статье о Чернышевском, относящейся к 1889—1891 гг. В этой статье Плеханов отрицает существование классового революционного движения в России до выступлений рабочего класса в 70-е годы: «Вплоть до конца семидесятых годов история русского революционного движения была по преимуществу историей борьбы этого слоя населения (разночинной интеллигенции. — Н. Р.) против царизма»¹. Поэтому и крестьянская реформа оказывалась результатом не классовых противоречий и борьбы, а борьбы государства с помещиком. Эту мысль в известной мере и повторил впоследствии Струве в «Крепостном хозяйстве». В этой связи и само крепостное право становилось актом государственной необходимости и прогресса: «Крепостное состояние было неизбежным условием европеизации России»².

Эти взгляды, которые Плеханов потом развил в «Истории русской общественной мысли», но они сформулированы им уже в этот первый период его деятельности: между теорией и ее практическим приложением не было единства. Плехановская концепция капиталистического развития России не опиралась на твердую базу марксистской теории закономерности общественного развития, основанной на марксистском учении об общественно-экономических формациях.

Та же непоследовательность, незавершенность марксистского анализа сказалась и в трактовке Плехановым истории общественного движения. Попытавшись наметить этапы в развитии классовой природы революционной борьбы, Плеханов, однако, и в этих ранних работах то и дело с истории общественного движения и классовой борьбы переходит на историю общественных идей, взятых в отрыве от классового анализа борьбы. Отсюда превращение Радищева в «революционера из «интеллигенции»³. Отсюда и превращение восстания декабристов в «военную мани-

¹ Плеханов, Соч., т. V, стр. 14.

² Там же, стр. 3.

³ Плеханов, Соч., т. X, стр. 357.

фестацию» с повторением романтической либеральной легенды, что декабристы «...сознательно шли на мученичество. Они мало верили в непосредственный успех своего восстания»¹.

И в истории общественного движения 30—40-х годов Плеханов выделяет проблемы «пессимизма» Чаадаева, развитие философских идей Белинского, историю русского гегельянства.

При всем выдающемся значении ранних работ для своего периода, когда они явились первой попыткой марксистской постановки этих вопросов, работы Плеханова и в этот период страдали внутренними противоречиями.

Этим открывалась возможность дальнейшей эволюции в интерпретации русской истории Плехановым. Его «История русской общественной мысли» была историческим обоснованием его меньшевистской эволюции, перехода к соглашению с буржуазией. Неудивительно, что свою историческую аргументацию он и заимствовал из буржуазных исторических схем. Эти исторические итоги были отражением «политики, обращенной в прошлое».

История русской общественной мысли. Теория и ее источники

Та концепция русской истории, на основе которой Плеханов строит историю русской общественной мысли, не была продуктом самостоятельного исследования. Он сам указал свои источники: на первом месте здесь стоят Соловьев и Ключевский, их широко дополняет Милуков.

Соловьева, Ключевского и Милукова объединяет государственная схема русской истории; мы указывали выше, что именно в плане государственной теории принял Соловьева Ключевский и в этом разрезе развил взгляды школы Милуков. Плеханов выработал свою схему исторического развития России под воздействием государственной школы.

Государственная школа в своих конечных выводах пришла к утверждению своеобразия русского исторического процесса. Марксизм вскрывал единство закономерности в историческом развитии России. Плеханов тоже говорит о закономерности, но только добавляет, что это не та закономерность, которая определилась в развитии Западной Европы: это — закономерность развития восточной деспотии, и здесь все было совсем иначе, чем на Западе. Это различие даже последовательно возрастает: «...Россия в течение целых столетий все более и более удалялась от европейского Запада и сближалась с Востоком»². Тождество с восточной деспотией становится ключом к объяснению всех явлений русской истории. Разрешение противоречия найдено, мост переброшен между марксизмом и государственной школой: для своеобразия нашлась другая, примиряющая, формула — «Восток».

Но достаточно приглядеться к раскрытию этого основного положения схемы, чтобы убедиться, что в его конкретном содер-

жании ровно ничего не изменилось. Сущность этого своеобразия, выраженного в понятии восточной деспотии, оказывается, состоит в господстве государства над обществом. Вся история дореформенной Руси есть история крепостного состояния всех сословий русского общества, старая теория закрепощения сословий государству. Русский крестьянин превратился в восточного раба. В отличие от дворянской свободы Западной Европы в России дворяне «...были закрепощены государству так же, как были закрепощены ему крестьяне»¹. В силу того же своеобразия в России не было третьего сословия, и города были только административными центрами. Эта схема полностью совпадает с той, которую дал Милуков в своих «Очерках».

Совпадение с государственной школой продолжается и дальше, хотя и дополняется экономическими моментами, представляющими, однако, не более как терминологическое изменение. Согласно государственной теории, сила государства коренилась в слабости и пассивности народа; по Плеханову, «закрепощение государством всех слоев русского населения было, как мы видели, результатом инертности народного хозяйства...»²

Наконец, и причина этого своеобразия осталась все та же: географические условия. Он только слишком натуралистические сравнения дерева и камня, леса и степи заменил более общим понятием «однообразия природных условий», сохранил указание на борьбу с кочевниками и получил необходимые географические предпосылки для колониационного процесса как основного начала русской истории. Только и здесь потребовалось экономическое добавление. Для связи между географией и колонизацией сделаны ссылки на слабую дифференциацию экономики, однородность хозяйственного быта по всей обширной территории восточноевропейской равнины. Для объяснения социального-политического развития вводилось положение об отливе населения и убыли рабочей силы, порождавшей упомянутую «инертность народного хозяйства». Экономическое объяснение свелось к небольшому привеску к старой, давно знакомой формуле: «История России была историей страны колонизовавшейся *при условиях натурального хозяйства*»³. Эта формула повторяется Плехановым через каждые несколько страниц, она объясняет теперь все и вся в русской истории. «Условия натурального хозяйства» продолжают при этом сопутствовать колонизации через всю русскую историю, как будто бы ничто в ее экономике и социальном строе так и не менялось на протяжении веков.

Совершенно понятно, что в этой интерпретации в исторической схеме Плеханова не осталось места ни для общественно-эко-

¹ Плеханов, Соч., т. X, стр. 367.

² Плеханов, История русской общественной мысли, т. I, стр. 75—76.

¹ Плеханов, История русской общественной мысли, т. I, стр. 85.

² Там же, стр. 104.

³ Там же, стр. 82, 103 и ряд других. (Курсив мой. — Н. Р.)

номических формаций, ни для классовой борьбы. Какая классовая борьба могла итти между классами, которые все были равно закрепощены государству? Могли быть лишь анархические, противогосударственные выступления. Классовая борьба — дело будущего развитого капиталистического общества, ее нет в историческом прошлом России.

Таковы те общие понятия, которые лежат в основе плехановской схемы русской истории.

**Общая схема
русской истории**

Напрасно искать у Плеханова марксистское определение общественно-экономического строя Киевской Руси. Он принимает у Грушевского указание на земледельческий характер хозяйственной деятельности населения Киевской Руси, а у Ключевского теорию ее городского, торгового строя, нисколько не задумываясь над их внутренним согласованием и добавляя от Соловьева утверждение о слабости развития хозяйственной и общественной жизни под влиянием борьбы с кочевниками. У Ключевского берет он и характеристику киевского князя как «военного сторожа земли». Вслед за Соловьевым и Ключевским Плеханов источник дальнейшей эволюции видит в колонизации Северо-восточной Руси и в торжестве здесь вотчинного начала. Мы указали выше, что у Плеханова вотчинный строй превратился в восточную деспотию. Вместе с этим неизбежно встала проблема русского феодализма. Между Павловым-Сильванским и Милюковым выбор Плеханова пал на Милюкова, и это показательно для всего направления его исторической мысли.

Иван IV дан первым последовательным представителем и идеологом восточной деспотии, т. е. сильного государства, осуществившего закрепощение сословий. В этих условиях общественная борьба превращается в борьбу отдельных слоев русского общества против растущей власти государства. Но именно поэтому все эти движения оказывались беспочвенными и бесплодными.

Первое оппозиционное выступление, в освещении Плеханова, принадлежит боярству в лице Курбского. Его выступление бесплодно, потому что за ним нет реальной силы, потому что само по себе торжество централизации было прогрессивным явлением. Решение этого вопроса идет от Соловьева. И все-таки симпатии Плеханова на стороне Курбского, представляющегося ему защитником человеческого достоинства от посягательств деспотизма, защитником идеи своеобразного конституционализма: «В нем нет холопского настроения. В его лице московский боярин отказывается сложить свое человеческое достоинство к ногам государя. Поэтому его консерватизм много симпатичнее, нежели новаторство Ивана IV»¹. Эта оценка являлась фактическим отказом от классового анализа идеологии Курбского.

¹ Плеханов, История русской общественной мысли, кн. 1, стр. 192.

Последовавшая в начале XVII в. «смута» была началом крестьянских войн в Русском государстве. Впрочем, самое понятие крестьянской войны у Плеханова отсутствует. Действующая сила этих движений — казачество. «Они много причинили (Москве) хлопот в Смутное время, хорошо «тряхнули ею» в царствование Алексея Михайловича (Ст. Разин), а потом не на шутку перепугали и Петербург в царствование Екатерины II (Е. Пугачев)»¹. И все эти движения были бесплодны, потому что они не несли в русскую действительность никакого нового начала. В этом отношении для Плеханова нет разницы между Пугачевым и Курбским, он сходится в этом вопросе с Костомаровым: Пугачев «смотрел не вперед... а назад, в темную глубь прошедших времен. И в этом отношении он поступал совершенно так, как поступало когда-то ненавистное ему боярство»².

Здесь была и новая черта своеобразия русской истории в интерпретации Плеханова. Вместо революционной, освободительной борьбы города на Западе (городские восстания в Русском государстве XVII—XVIII вв. Плеханов обходит молчанием), мы имели только движение казаков, которые сами в конце концов «...превратились в орудие угнетения той самой народной массы, из которой они когда-то вышли»³. Здесь Плеханов допускал уже прямую игру понятиями, подмену социальных явлений разных эпох и разного порядка.

Но оценка крестьянских движений была лишь продолжением в историческом разрезе основной линии меньшевиков по вопросу о революционной роли крестьянства. Плеханов в свое время ее проглядел, сейчас он и не хотел ее видеть. Он забывал даже указания Маркса, что в феодальную эпоху все революционные движения шли из деревни, он забывал и крестьянскую войну в Германии, утверждая, что на Западе борьбу вел только город. Он не желал видеть огромной роли крестьянских войн в расшатывании социальных устоев крепостнической системы, расчищавших дорогу будущему. Для этого, в духе механицизма и экономизма, присущего всей меньшевистской концепции, он переносил вопрос из плоскости социальных отношений в плоскость экономики. Итоги «смуты» должны были определиться, «как определяются они всегда и везде, — состоянием производительных сил. Что же касается состояния производительных сил, то Смута могла изменить его не к лучшему, а только к худшему». «После Смуты Московская Русь являлась по отношению к Западу значительно более, чем прежде, отсталой страной»⁴.

В трактовке Петровских реформ Плеханов ближе к Ключевскому, чем к Соловьеву. Сущность Петровских реформ он видит

¹ Плеханов, История русской общественной мысли, кн. 2, стр. 296.

² Там же, стр. 296.

³ Там же, кн. 1, стр. 103.

⁴ Там же, стр. 213.

в европеизации, т. е. в попытке повернуть русскую историю в сторону сближения с Западной Европой. Но в конечном итоге для Плеханова Петр I только дворянский царь, он не новое создает, а старое укрепляет, и самая европеизация касается только узкой прослойки столичного дворянства. «Социальное положение благородного сословия изменялось в одну сторону — в сторону Запада, — в то самое время, когда социальное положение «подлых людей» продолжало изменяться в сторону прямо противоположную, — в сторону Востока»¹. Это последнее положение, идея полного культурного разрыва между верхушкой русского общества и народом, уже прямо взято Плехановым у Ключевского. Национального значения Петровской реформы Плеханов не видит и проходит мимо роста культурных сил самого народа, роста русской национальной культуры в XVIII в.

Но при этом в духе буржуазной идеалистической историографии для всей послепетровской истории России не рост классовых противоречий, не внутренний кризис крепостнической системы, а именно европеизация России становится стержнем исторического развития. Правда, он снова оговаривает, что европеизацию он относит также к явлениям экономической и социальной жизни, — ведь торжество восточной деспотии в России было результатом отклонения русской истории от Запада к Востоку. Нужен обратный поворот к Западу, чтобы создать условия дальнейшего развития. Но отсюда вытекает уже и дальнейший вывод, что этот толчок должен быть дан как-то извне, сверху; ведь сперва должен явиться толчок, а потом уже развитие. Оказывается, что инициатором его должно было явиться само дворянство в лице его более передовых представителей. Ведь дворянство было европеизировано, значит у него уже есть потребность в установлении европейских порядков, а для этого нужно дальнейшее распространение европеизации. Таким образом, и движение декабристов было только плодом европеизации и вызванных ею изменений в экономическом быту и социальных представлениях самого дворянства.

Так возникла и реформа 1861 г.

Последовательным носителем принципа европеизации оказывается при этом помещик, требовавший полного обезземеления крестьян, чтобы его «обезнародить», т. е. пролетаризировать. А государство, решившее сохранить за крестьянином урезанные наделы, оказывается, действовало так вовсе не под влиянием страха крестьянских восстаний, а руководствовалось только своими интересами восточной деспотии. «Крупнейший в мире помещик-рабовладелец — государство — решительно не мог помириться с той мыслью, что освобождаемые крестьянские «души», с которыми он уже собирался распорядиться по-своему, сразу предстанут

¹ Плеханов, История русской общественной мысли, кн. 1, стр. 118.

перед ним в виде многомиллионного пролетариата», — так писал Плеханов еще в 1911 г.¹ Поэтому реформа 1861 г. «очень сильно отзывалась Азией»; освобождение крестьян прошло у нас по восточному образцу, имело «азиатский характер», оно сделало крестьянина бесправным².

Отсюда и объяснение дальнейшего пореформенного хозяйства. Вопрос не в условиях классовой борьбы, ее организации и развития, а в распространении культуры, в европеизации. «Взрыв 1905—6 гг. был следствием европеизации России. А его «неудача» была причинена тем, что процесс европеизации переработал пока еще далеко не всю Россию. Последствия «неудачи» будут ослабляться сообразно дальнейшему ходу названного процесса»³.

Как писал Ленин о соратнике Плеханова П. Б. Аксельроде и о Милюкове, «...мечтательными фразами об «европеизме» они обходят трудный и насущный вопрос о том, как следует вести себя в неевропейской обстановке тому или иному классу для упорной борьбы за обеспечение основ европеизма»⁴.

Эволюция завершилась: классовая борьба отошла на задний план и для капиталистического общества, в котором в конце XIX в. Плеханов видел ее еще с полной отчетливостью. Буржуазная концепция полностью подчинила себе Плеханова — мертвый хватает живого!

«История общественной мысли» Это определило и основную тему исторической работы Плеханова — «история общественной мысли», а не история общественного «движения». В сущности, по концепции Плеханова, до середины XIX в. в России вообще не было развития общественного строя, следовательно, не могло быть и настоящего общественного движения. В этом отношении для Плеханова история общественной мысли по своей теме ближе даже к истории культуры. И действительно, многое сближает ее в этом отношении с «Очерками» Милюкова.

Самая проблема рассматривается не в социальном, а в культурно-историческом плане.

Основная проблема «Истории русской общественной мысли» — все тот же вопрос о Востоке и Западе, об отношении России и Европы. Западничество и славянофильство являются и для Плеханова, как раньше для Милюкова, стержнем развития русской идеологии. Ее предпосылки лежат в смене идейных влияний, шедших с Запада. Восприятие западноевропейской жизни и западноевропейских идей и отношение к тому и другому — источник идейных движений в русском обществе. Под этим углом зрения рассматривается русская общественная мысль с начала ее оформления, с XVII в.:

¹ Плеханов, Освобождение крестьян, «Современный мир» № 2, 1911.

² См. Плеханов, История русской общественной мысли, кн. 1, стр. 123—124.

³ Там же, стр. 113.

⁴ Ленин, Как П. Б. Аксельрод разоблачает ликвидаторов, Соч., т. XVI, стр. 42.

Хворостинин, Котошихин, Ордин-Нащокин — это западники; Крижанич — первый русский славянофил. Та же антитеза повторяется и в XVIII в.: Татищев и Посошков, до некоторой степени Щербатов и Болтин. Впрочем, во второй половине XVIII века вопрос несколько осложнился, славянофильство и западничество уже не выступали в чистом виде.

Вместе с тем именно европеизация являлась основным источником прогрессивности общественной мысли. Она и заменила социальное содержание явлений. И поскольку дворянство было единственным европеизированным сословием, то и получалось у Плеханова, что «единственным русским сословием, смотрешим не назад, а вперед, было тогда у нас дворянство»¹. Плеханов проходит мимо тех внутренних изменений, которые совершались в экономике и в социальной жизни России в XVIII в. и которые получили свое отражение в передовой общественной мысли эпохи — у Радищева, Кречетова, Новикова — и вызвали яркую классовую оппозицию со стороны таких дворянских идеологов, как Щербатов. Именно это отсутствие классового подхода к вопросам идеологии определило его симпатии к консерватизму Курбского в общественной мысли XVI в. Отсюда же для XVIII в. его идеализация Щербатова, в консервативной дворянской оппозиционности которого он готов видеть «зачаток того учения о долге образованных классов перед народом, с которым мы встретимся в передовой русской литературе XIX в.»² Плеханов не видит, что критика Щербатова была в действительности критикой «справа», критикой феодальной знати, осознававшей надвигающийся кризис и недовольной правительством, потому что ей кажется, что эта власть недостаточно охраняет дворянские классовые интересы.

Истории общественной мысли XIX в. Плеханов не успел написать. Для этого периода остались лишь многочисленные отдельные статьи, посвященные отдельным ее представителям или вызванные определенными литературно-историческими работами о них. Это, конечно, еще сильнее суживает социально-историческую базу изучения этого периода у Плеханова. Во всяком случае, общая характеристика, данная выше, распространяется и на эти статьи. Конечно, появление разночинной интеллигенции произвело свои изменения, мимо которых Плеханов не мог пройти. Но и в этих статьях первенствующее место принадлежит философскому анализу идей, и это философско-историческое содержание и составляет наиболее сильную сторону работ Плеханова по истории русской общественной мысли, опирающихся на прекрасное знание Плехановым европейской философии XVIII и XIX вв. В истории русской общественной мысли работы Плеханова по XIX в. представляли крупный шаг вперед по сравнению с буржуазной

¹ Плеханов, История русской общественной мысли, кн. 3, стр. 150.

² Там же, стр. 217.

историографией, поставив ее изучение в связь и с историей идеологии Западной Европы и с развитием революционной идеологии второй половины XIX в. Но и здесь изучение велось в плоскости общей истории идей, приближаясь скорее к мелкобуржуазной трактовке проблемы.

От классового анализа первых работ Плеханова-марксиста в его «Истории русской общественной мысли» не осталось уже и следа.

**«Меньшевистский
пятитомник»**

Эти черты буржуазной ревизии марксизма в меньшевистской историографии с особой отчетливостью сказались в так называемом «меньшевистском пятитомнике», в коллективной работе «Общественное движение в России в начале XX в.», выпущенной в 1909—1911 гг. под редакцией Мартова, Маслова и Потресова и при участии других видных меньшевистских журналистов и литераторов — Ерманского, Череванина, Кольцова, Балабанова, Веселовского и др. Внутренняя сущность направления выступила с особой отчетливостью в связи с темой: работа посвящена предпосылкам и истории первой буржуазно-демократической революции в России 1905—1907 гг. Общее направление связывает авторов с идеями и научной методологией Рожкова и с позднейшими идеями Плеханова, в те годы выступавшего против неприкрытого ликвидаторства.

Экономизм — таково действительное направление, представленное авторами пятитомника. Так именно квалифицировал несколько позже Ленин позицию одного из его авторов, Ерманского, развивавшего дальше идеи пятитомника. «Экономисты, — писал Ленин, — признавали... в классовой борьбе лишь то, что было наиболее терпимо с точки зрения либеральной буржуазии, отказываясь идти дальше либералов, отказываясь признавать более высокую, для либералов неприемлемую, классовую борьбу. Экономисты превращались этим в либеральных рабочих политиков. Экономисты отказывались этим от марксистского, революционного, понятия классовой борьбы»¹. По указанию Ленина, это был «...вопрос о либеральной подделке марксизма, о подмене марксистского, революционного, воззрения на классовую борьбу воззрением либеральным»².

Эта задача разрешалась прежде всего общеметодологической постановкой и трактовкой вопроса. В качестве общей основы движения осталась только экономика. Общества, как целого, с его классовыми противоречиями, с его внутренними антагонизмами, в пятитомнике нет. Нет поэтому и вопроса о расстановке классовых сил, об их реальном взаимоотношении в революции. Каждый класс выступает сам по себе, со своими целями и задачами, и отсюда

¹ Ленин, О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы, Соч., т. XVI, стр. 399.

² Там же, стр. 397.

создается авторами впечатление, что каждый из них по-своему представляет революцию.

Революция объясняется не из развития капиталистического общества и обострения присущих ему классовых противоречий. По характеристике Кольцова, «наше рабочее движение определялось и толкалось вперед только факторами политического бесправия, всероссийского разорения и общими условиями капиталистического хозяйства». Революция 1905—1907 гг. была результатом отсталости и некультурности, — так разрешал вопрос Рожков, к этому же пришел Плеханов, эту же мысль повторяет и Кольцов: отсталость связана с недостатком европеизации, а ближайшая цель рабочего класса — «европеизация общественно-политического строя России, включая сюда и европеизацию отношений между предпринимателями и рабочими»¹. Под европеизацией надо понимать развитие капиталистических отношений.

Отсталость экономики, ее отставание от государственного развития России, т. е. государство, опережающее общество в своем развитии, такова другая, давно знакомая идея, повторяемая авторами пятитомника. «Громадная государственная организация и громадное государство в силу исторических условий создались еще в эпоху, когда их размеры совсем не соответствовали потребности промышленного развития страны»², — пишет П. Маслов. То же повторяет и А. Ерманский, по которому государство было фактическим создателем русского капитализма и русской буржуазии. Неудивительно, что при таком понимании исторического развития России для Маслова «в XIX в. прогрессивным являлся класс землевладельцев до наступления кризиса крепостного хозяйства, а класс крупной буржуазии был реакционен вплоть до наступления этого кризиса, до тех пор, пока крупное производство не уперлось в тупик, благодаря своему внутреннему развитию»³.

При таких условиях все классы оказываются участниками революции, все принимают то или иное участие в общем «движении». За «общей картиной движения», дающей только внешнее, прагматическое повествование хода событий без классового анализа их содержания и значения, следуют статьи Д. Кольцова о рабочих в 1905—1907 гг., Б. Веселовского о «Движении землевладельцев», А. Ерманского о крупной буржуазии, Череванина о «движении интеллигенции». В результате и вся революция 1905—1907 гг. оказывается не классовой борьбой революционных классов пролетариата и крестьянства, а «общенациональным движением», к которому примыкают наиболее сознательные представители всех классов. Ерманский так и пишет: «Солидные промышленники примкнули, наконец, к общенациональному движению»⁴.

¹ «Общественное движение в России в начале XX в.», т. I, стр. 185—186.

² Там же, стр. 644.

³ Там же, стр. 661.

⁴ «Общественное движение в России в начале XX в.», т. II, ч. 2, стр. 30.

Это же понимание «общенационального движения» пытается провести и Череванин в изображении надклассового «движения интеллигенции». Носителем этого надклассового движения у Череванина оказывается буржуазный, кадетский «Союз освобождения», который, по Череванину, «стремился сплотить все оппозиционные силы России, поднявшиеся над классовыми противоречиями и различиями отдельных слоев населения»¹.

Этим определялась и оценка итогов революции; меньшевистствующие авторы расценивают ее только как полное поражение пролетариата и крестьянства, в положении которых «нельзя надеяться в ближайшем будущем на сколько-нибудь значительное улучшение»², а общая перспектива сводилась к росту промышленного капитализма, т. е., по терминологии Кольцова, к «европеизации».

«Буржуазия «хочет» обкарнать классовую борьбу, извратить и сузить ее понятие, притупить ее острие. Пролетариат «хочет», чтобы этот обман был разоблачен. Марксист хочет, чтобы тот, кто берет за себя говорить от имени марксизма о классовой борьбе буржуазии, разоблачал узость, и притом корыстную узость, буржуазного понятия классовой борьбы... Либерал «хочет» оценивать буржуазию и ее классовую борьбу так, чтобы замалчивать ее узость, замалчивать не-включение в эту борьбу «основного» и наиболее существенного»³. В этой ленинской характеристике отчетливо дано различие основных направлений политической и исторической мысли начала XX в.

ГЛАВА 33

Н. А. РОЖКОВ

Классики марксизма-ленинизма: Ленин, Манифест либеральной рабочей партии, Соч., т. XV, стр. 272—280. — *Его же*. Из лагеря столыпинской «рабочей» партии, Соч., т. XV, стр. 251—254. — *Его же*, Аграрный вопрос и современное положение России. Заметки публициста, Соч., т. XVII, стр. 75—78.

Основные сочинения Рожкова: Обзор русской истории с социологической точки зрения, ч. 1—2, изд. Шамова, М. 1905; ч. 1, Киевская Русь (с VI до конца XII века), изд. 2-е, ч. 2, вып. 1. Удельная Русь, ч. 2, вып. 2. Западная и Юго-западная Русь с XIII до половины XVII в. — Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке, М. 1899. — Город и деревня в русской истории (Краткий очерк экономической истории России), изд. 2-е, М. 1904. — Происхождение самодержавия в России, М. 1906. — Из русской истории. Очерки и статьи, т. I—II, Academia, П. 1923; в част-

¹ «Общественное движение в России в начале XX в.», т. II, ч. 2, стр. 147.

² «Общественное движение в России в начале XX в.», т. IV, ч. 1, стр. 32.

³ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 400.